

«ВК» в гостях

3 ноября — 70 лет выдающемуся драматургу, чьи произведения уже четыре с половиной десятилетия украшают репертуар ведущих театров России и многих других стран (только в Париже сегодня идут семь пьес Леонида Зорина). Всего же им написаны 41 пьеса, 15 сценариев, по которым сняты знакомые всем нам фильмы, 6 томов глубокой и тонкой прозы, бесчисленное количество эссе и рассказов. Его работы удостоены золотых медалей и призов на кинематографических и театральных фестивалях.

Сегодня репортер «ВК» — в гостях у драматурга.

**Леонид
ЗОРИН:**

Вел. клуб, - 1994. - 3 нояб. - с. 7

«Всю свою жизнь пишу одну пьесу — о любви и о том, как глупы люди»

— Леонид Генрихович, ваши «Покровские ворота» — любимый фильм нашей редакции. Как известно, он автобиографичный. И вдруг я обнаруживаю в справочнике «Кто есть кто», что родились вы вовсе даже в Баку...

— Но тут нет противоречия! Герой «Покровских ворот» Костик в начале фильма говорит: «Я приехал в Москву из южного города». Буквально все в этой картине — из жизни, происходило на самом деле. Придумал я только тетю: снимал комнату проходную у одной пожилой дамы у Петровских ворот. А Покровскими назвал, чтобы обитатели квартиры не посчитали себя выставленными напоказ.

— И что, действительно существовали этот неудержимый мотоциклист и прототипы Велюрова, Саввы Яковлевича?

— «Натюрлих!» Все было! И Миша Козаков отлично снял фильм.

— В том же справочнике «Кто есть кто» сказано, что в Союз писателей вы вступили 17 лет от роду. Каким образом?

— Когда в Баку вышла книжка моих стихов, мне шел десятый год. Довольно толстая книжка, три с половиной печатных листа. Меня повезли в Москву и представили самому Максиму Горькому. Да-да, Алексею Максимовичу Пешкову. И он написал обо мне статью — «Мальчик». Первую пьесу я сочинил в 17 лет — «Соколы» для Бакинского русского театра, но отчет веду только от пьес, написанных в Москве.

— Гармонию алгеброй не поверяют. И все же, как возникает замысел пьесы?

— Допустим, комедии? В основе комедии должен быть анекдот. Чем он проще и короче, тем комедия выше.

— Проезжего прощелыгу-чиновника принимают в уездном городе за ревизора из столицы?

— Не претендую на подобные сопоставления. Вообще не люблю изречения типа «мы, писатели», «мы, художники», «мое творчество», «я создал». Называю это «распустить хвост». Договоримся: я просто литератор... Итак, анекдот. Висит цитата, и никто не знает, кому она принадлежит. Такова отправная точка. А дальше — поиск характеров, коллизий. В

итоге получается пьеса «Цитата». Но пьесу нужно выносить, продумать, выстрадать. А уж пишется она быстро. «Варшавскую мелодию» я изложил на бумаге за 14 дней, «Добряков» — за 6 дней.

— Драматург Тригорин в «Чайке» все время записывает в блокнот услышанное, подмеченное. Мне и моим коллегам довелось невольно подсказывать авторам пьес фразы, которые включались в текст произведений...

— Правда? Ну, например.

— Рассказали некогда Василию Аксенову, как один футболист описывал свою манеру забивать голы: «Булыгу на лапту, полил в угол — тащи, рабочий!» («Мяч на ногу, пробил в угол — доставай мяч из сетки, вратарь»). И вскоре услышали эти слова из уст актера Владимира Земляникина, игравшего футболиста в аксеновской пьесе «Все на продажу» в театре «Современник». Не так давно в мхатовской «Перламутровой Зинаиде» Михаила Рощина прозвучала сентенция одного из бывших главных редакторов: «Не семь, а сто семь раз отмерить, чтобы не выглядело, будто мы высказываем собственное мнение!» А у вас с этим как?

— И я не расстаюсь с блокнотом. Но эти записи — лишь 5 процентов будущего произведения, остальное — результат размышлений, ассоциаций, пережитого. Всю жизнь ведь пишешь себя.

— А окружающих? Знакомых, друзей, близких?

— Тоже, но не с фотографической буквальностью, а сквозь свою авторскую призму.

— У вас немало пьес «из прошлой жизни»: «Дион», «Декабристы», «Царская охота»... Наверняка они не для того, чтобы рассказать лишь о былом.

— Драматургия непременно вдохновляется сегодняшним днем. Вспомните, на «Диона» зрители реагировали, как на злободневную пьесу... Но есть тут и кое-что более важное для меня. Все, что я делаю — «Царская охота», «Палуба», «Транзит», «Варшавская мелодия» и прочее, — в сущности одна пьеса. О том, что всего важнее: о любви мужчины и женщины.

Остальное мизерно и гроша ломаного не стоит. В «Царской охоте» фаворит императрицы Алексей Орлов говорит о гибели княжны Таракановой: «Государственная нужда весит тяжелее, чем правда». Поэт Кусков отвечает: «Вам виднее; а я как вспомню, как она смотрела на вас, как от счастья едва дышала, так и думаю: глупы люди!»... Многие мои пьесы — о любви и о том, как глупы люди.

— Бальзак писал, погрузив ноги в воду. Кто-то еще из великих — только стоя. А вы как это делаете?

— А я просто: за письменным столом авторучкой. И авторучкой же снова переписываю тысячи страниц, поправляя текст. Устаешь при этом безумно. Необходима концентрация, напряжение всех сил и внимания.

— Юбилейный возраст как-либо ощущаете?

— Раньше мог работать двенадцать часов подряд. Теперь уже на пятом часе «идет пшено», вылезают «дежурные слова», которым просто не место! Приходится прерываться.

— Приведите пример «дежурных слов».

— Ну, допустим, «оказывает серьезное влияние», «имеет большое значение»... Знаете, я трудолюбив, литературный труд обожаю, но, клянусь, он мучителен.

— Маяковский написал: «Я в долгу перед бродвейской лампией, перед вами, багдадские небеса»... Вы перед кем в долгу?

— Ни перед кем и ни перед кем. По долгу не получается хорошо. Пишу о том, о чем считаю необходимым написать.

— Можно представить вас на природе?

— Еще как! Ух, как я дорываюсь до природы!

— И что там делаете?

— Как что? Пишу!.. Но поскольку теперь

— На мой — тоже.

— И картина «Гроссмейстер», несомненно, удалась.

— Первый приз за лучший сценарий на 5-м Международном фестивале спортивных фильмов... В шахматы я играю всю жизнь. По оценке гроссмейстера Марка Тайманова, играю на уровне кандидата в мастера. В футбол гонял еще в Баку, дорос до молодежной команды клуба «Строитель юга».

— Ого! Этот клуб был впоследствии переименован в «Нефтичи». А можно представить Зорина в критической ситуации?

— Я всю жизнь в критической ситуации. Мои пьесы сплошь и рядом запрещали, обо мне писали разгромные статьи. Нужен характер, чтобы держать такие удары. Эпоха беспощадно перемалывала судьбы, немало талантливых людей не выдерживало этот давящий выдержал. За последние полтора сезона в Театре имени Ермоловой Владимир Андреев поставил две мои вещи — «Пропавший сюжет» и «Союз одиноких сердец», которые собрали массу фестивальных призов. Спасибо Андрееву, он и поставил здорово, и сам в них сыграл здорово. И теперь взялся за очередную мою пьесу — «Измена».

— У вас случаются конфликты, споры с постановщиками, исполнителями, когда вы не согласны с трактовкой спектакля, сцены, роли?

— Как же без споров? Но у меня есть уши, меня можно убедить. У хорошего актера или режиссера — своя правда; случилось, я думал иначе, но они меня убеждали.

— Происходящее сегодня в стране найдет отражение в вашем творчестве?

— Несомненно, но не нарочито — «сегодня в газете, вечером в куплете». Явления, события и связанные с ними мысли и ощущения должны «отстояться» в сознании, вылиться в определенные образы... Еще я думаю, что литератор может и должен опережать свое время. Предвидеть. Нет, он не экстрасенс, не Ванга; предвидение — плод его раздумий, анализа, подчас подсознательного. К примеру, пять лет я писал роман «Злоба дня», и свет он увидел пять лет назад. В нем есть персонажи: Монахов, певец-бард, который погибает при обстоятельствах, очень похожих на обстоятельства гибели Игоря Талькова; когда это сочинялось, Тальков был жив-здоров. И второй персонаж — Каршеев, националист-экстремист, главарь боевиков фашистского толка; подумайте, это писалось, когда о Баркашове еще не было ни слуха, ни духа. Но даже фамилии в некоторой степени созвучны!

— Сейчас вы над чем работаете?

— 1 января 1995 года обязан сдать в издательство «Слово» (между прочим, отличное издательство, ухитрившееся не стать чисто коммерческим) рукопись объемом в 50 печатных листов. Главную книгу моей жизни. Своего рода мемуарный роман «Авансцена» с подзаголовком «Записки драматурга». Я всю жизнь жил для этого романа. Он охватывает период с 1934 по 1994 годы, вмещает в себя множество событий и портретов — деятелей культуры, искусства, литературы, политических деятелей. Шестьдесят лет жизни нашей страны.

— Вы можете быть в данном случае беспристрастным?

— Литератор обязан быть объективным. Пушкин писал: «Не настаивайте на излюбленной идее». Даже если персонаж — отвратительный злодей, он все равно и прежде всего — объект исследования. И необходимо доказать, каков он, а не клеить сразу ярлык.

— Как считаете, что скажут потомки о драматургии и прозе Леонида Зорина?

— А будут ли они знать, что существовал такой Зорин? Каждый питает надежду, что «весь я не умру»... Если пробьется к потомкам одна пьеса — и то счастье.

— Что вас в профессиональном плане раздражает, бесит, вызывает неприязнь?

— Поясните, вас что в этом плане раздражает?

— Меня? Когда мой молодой коллега не может запомнить три-четыре четырехзначных номера — телефоны корректуры, выпуска, библиотеки и газетного архива, но хранит в памяти полсотни семизначных номеров, по которым можно звонить различным девицам.

— К вашему молодому коллеге я расположен более чем либерально. Он мудр; он помнит именно то, что и следует помнить. Что главное на этой грешной земле...

Леонида Зорина и его супругу, виолончелистку Татьяну Геннадиевну, в театре «Персефон» канадского города Саскатун поздравляет с удачной премьерой «Варшавской мелодии» постановщик спектакля Тибор Фехеджихази. 1989 год.

Трифонов, Карякин, я. Это мы принимаем в Москве Габриэля Гарсия Маркеса и его сына Рикардо.

— Вам свойствен снобизм? Когда предпочитают общество избранных, знаменитых, а «простых» игнорируют?

— Это, мой друг, не снобизм, а элементарная пошлость. Мне, право же, совсем не свойственна.

— Футбол и шахматы на особом месте в ваших сочинениях. Образ центрфорварда Лаврова в фильме «Секундомер» — лучшая, на мой взгляд, роль Николая Олялина.

В гостях у драматурга был Эдуард ЦЕРКОВЕР. Фото Валерия ПЛОТНИКОВА и из архива Леонида ЗОРИНА.